

05.4

Деформация памяти формы и микрорельеф поверхности монокристаллов сплавов Ni–Fe–Ga–Co и Cu–Al–Ni

© Ю.Г. Носов¹, А.В. Солдатов¹, В.М. Крымов¹, С.А. Пульнев¹, В.И. Николаев^{1,2}¹ Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН, Санкт-Петербург, Россия² Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: Yu.nosov@mail.ioffe.ru

Поступило в Редакцию 7 декабря 2018 г.

В окончательной редакции 7 декабря 2018 г.

Принято к публикации 10 декабря 2018 г.

Представлены результаты экспериментальных исследований возврата монокристаллов Ni–Fe–Ga–Co и Cu–Al–Ni к исходной форме на макро- и микроуровнях после их деформирования сжатием и последующего восстановительного нагрева. Установлено, что геометрические размеры образца воспроизводятся с высокой точностью (до $20\ \mu\text{m}$). Показано, что микрорельеф, появляющийся на исходно полированной поверхности при сжатии кристалла (среднее арифметическое отклонение профиля $R_a \approx 0.25\text{--}0.75\ \mu\text{m}$ и средний шаг локальных выступов профиля $S \approx 0.027\text{--}0.11\ \text{mm}$), не снимается последующим нагревом и остается при дальнейшем многократном повторении циклов деформация-восстановление.

DOI: 10.21883/PJTF.2019.05.47393.17629

Сплавы с эффектом памяти формы (ЭПФ) широко используются в современной технике и медицине [1–4]. Функциональные свойства данных материалов определяются мартенситными превращениями, которые могут быть инициированы как при тепловом воздействии, так и при действии внешних полей, например магнитного поля. Интерес вызывает не только макроскопическая деформация памяти формы объемных образцов, но и деформации на микро- и наноуровнях, что связано с развитием в последнее время в том числе и миниатюрных устройств, работа которых основана на эффекте памяти формы.

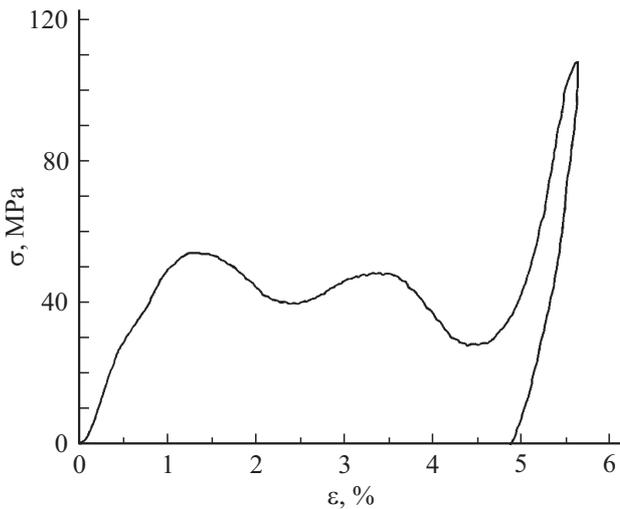
Настоящая работа затрагивает вопрос точности возврата кристалла к исходной форме на макро- и микроуровнях после его деформирования сжатием и последующего восстановительного нагрева. В качестве объекта исследования нами были выбраны монокристаллы сплавов двух типов: Ni–Fe–Ga–Co, характеризующийся термоупругим превращением и магнитным эффектом памяти формы [5], и Cu–Al–Ni только с термоупругим превращением [6]. Использование именно монокристаллических образцов из всего многообразия материалов с эффектом памяти формы обусловлено тем, что в силу их анизотропии возможен выбор определенных кристаллографических ориентаций, в которых можно достичь полной обратимости макроскопической деформации, в отличие от поликристаллических образцов, где отмечается и пластическая деформация.

В наших экспериментах по одноосному нагружению и последующему восстановлению деформации памяти формы при обратном мартенситном превращении мы убедились, что при многократно повторяющихся циклах точность возврата к исходной форме у монокристаллов составляет одно деление винтового микрометра,

т.е. $\pm 10\ \mu\text{m}$. Возник вопрос о физических пределах движения масс, связанного с мартенситными превращениями. В настоящей работе мы сконцентрировались на особенностях рельефа поверхности кристаллов, где, как нам кажется, можно подойти к решению поставленной задачи. Прежде всего формирующийся рельеф поверхности позволяет наблюдать перестроения мартенситной структуры, которая в конечном счете и определяет общую деформацию памяти формы.

Монокристаллы обоих сплавов выращивались способом Степанова в виде цилиндрических стержней до $10\ \text{mm}$ в диаметре. После роста кристаллы подвергались высокотемпературному отжигу с последующей закалкой в воду. Для исследования боковой поверхности из стержня вырезались на электроискровом станке прямоугольные образцы размером примерно $9 \times 5 \times 3.5\ \text{mm}$, что наилучшим образом подходит для их испытания одноосным сжатием. Перед деформированием боковые поверхности кристалла были отполированы алмазной шкуркой и пастой зернистостью до $1\ \mu\text{m}$. Сжатие образцов проводилось при комнатной температуре на испытательной машине Instron 1342 со скоростью нагружения $10^{-4}\ \text{s}^{-1}$. Измерение высот профиля рельефа (шероховатости) боковой поверхности проводилось с помощью профилометра RT-200. Для исследования изменения размеров кристалла при прямом и обратном мартенситных превращениях и появляющегося на его поверхности тонкого рельефа проведены следующие эксперименты.

Монокристалл $\text{Ni}_{49}\text{Fe}_{18}\text{Ga}_{27}\text{Co}_6$ подвергался одноосному сжатию вдоль кристаллографического направления [110]. На рис. 1 представлена диаграмма сжатия кристалла до полной деформации памяти формы, которая составляла $\sim 5\%$.

Рис. 1. Диаграмма сжатия монокристалла $\text{Ni}_{49}\text{Fe}_{18}\text{Ga}_{27}\text{Co}_6$ в направлении $[110]$.

Микроскопические наблюдения показали, что после деформации на боковых поверхностях кристалла (исходно полированных) обнаруживается характерный мартенситный рельеф (рис. 2, *a*).

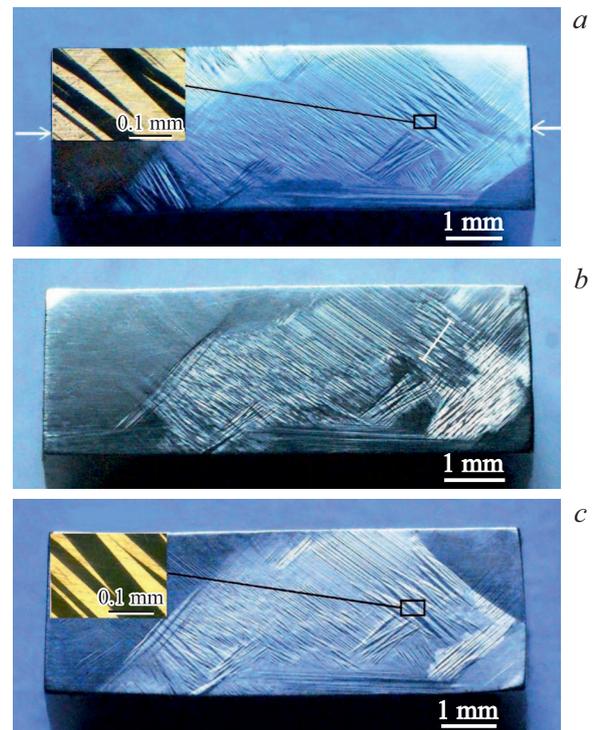
Сжатие образцов приводит к сдвигу температур мартенситных превращений исходных кристаллов в область более высоких температур, и при полной деформации памяти формы смещение составляет около 60 К. При нагревании до температуры обратного мартенситного превращения $A_f \sim 383$ К наблюдалось почти мгновенное высокоскоростное восстановление деформации памяти формы. В случае размещения кристалла на жесткой опоре превращение сопровождалось прыжком образца с начальной скоростью более 20 м/с, как это описано в работах [7,8]. Измерение геометрических размеров кристалла после прыжка показало, что размеры восстанавливаются до исходных, причем с высокой точностью (не хуже $\sim 20 \mu\text{m}$). При этом тонкий поверхностный рельеф боковых граней не исчезал и грани к первоначальному полированному виду не возвращались, как видно из рис. 2, *b*, где представлена фотография рельефа одной из боковых граней после восстановления. Этот рельеф очень близок к рельефу, образовавшемуся на данной грани после сжатия образца (рис. 2, *a*), однако более детальное рассмотрение позволяет выявить большую фрагментированность рельефа.

Если поверхностный рельеф, образовавшийся при механическом сжатии кристалла, сполировывался и такой образец нагревался до восстановления деформации памяти формы, то на полированной поверхности опять появлялся тонкий рельеф (рис. 2, *c*), близкий к рельефу, наблюдавшемуся после деформирования (рис. 2, *a*). Сравнение этих структурных фотографий хотя и показывает их близость, но демонстрирует и различие. Заметим, что при фотосъемках соблюдалась строгая одинаковость освещения объекта. На вставках к рис. 2, *a* и *c* приведены

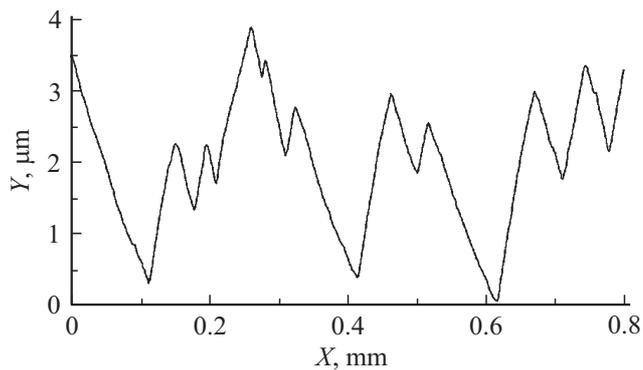
фотографии микрорельефа, сделанные при большем увеличении одного и того же участка поверхности. Видно, что в обоих случаях картины идентичны по очертаниям рисунка, но выглядят как позитив и негатив. Это может быть объяснено тем, что выступы на рельефе поверхности, возникшему при сжатии образцов, инициирующем деформационный мартенсит, соответствует впадина на рельефе при обратном мартенситном превращении.

На рис. 3 в качестве примера представлены результаты измерения высот профиля рельефа поверхности кристалла $\text{Ni}_{49}\text{Fe}_{18}\text{Ga}_{27}\text{Co}_6$, показанной на рис. 2, *b*. Видно, что на поверхности присутствуют участки рельефа, различные как по высоте выступов, так и по частоте их повторяемости. Для шести различных участков с базовой длиной 0.8–1.6 мм измерены среднее арифметическое отклонение профиля R_a , наибольшая высота профиля R_{max} и средний шаг локальных выступов профиля S .

Выступы на поверхности в нашем случае имеют правильную симметричную форму. Можно предположить, что природа их связана с гранями мартенситных кристаллов. Для всех шести участков результаты измерений находятся в следующих пределах: $R_a \approx 0.25\text{--}0.75 \mu\text{m}$, $R_{\text{max}} \approx 1.7\text{--}3.9 \mu\text{m}$ и $S \approx 0.027\text{--}0.11 \text{mm}$. Аналогич-

Рис. 2. Поверхностный рельеф на исходно полированной грани кристалла, появившийся в результате механического сжатия образца (*a*), восстановления деформации нагревом (*b*), восстановления деформации нагревом, которому предшествовала полировка рельефа, индуцированного сжатием (т.е. рельеф, показанный на части *a*, был сполирован) (*c*). На вставках на частях *a* и *c* представлен рельеф одного и того же участка поверхности при большем увеличении. Стрелками указано направление сжатия.

Рис. 3. Профиль высот шероховатостей, полученный на базовой длине 0,8 mm. Путь движения иглы профилометра показан на рис. 2, b.

ный результат был получен на монокристаллах сплава Cu–13,0 wt.% Al–4 wt.% Ni.

Мартенситный рельеф в монокристаллах с ЭПФ, описываемый выше, наблюдался ранее в сталях при их закалке. В работе [9] стальная пластинка Fe–Ni–C с исходной аустенитной структурой охлаждалась (путем закалки), и при таком прямом мартенситном превращении на ней появлялся характерный поверхностный рельеф, так же как в наших опытах на сплавах с ЭПФ. Если этот рельеф споллировать, то при обратном мартенситном превращении образца (путем быстрого нагрева) вновь появился рельеф, подобный первоначальному. С одним отличием — на местах выпуклостей первого рельефа у второго имелись впадины, и наоборот. Основная причина появления поверхностного рельефа при мартенситном превращении состоит в том, что удельный объем мартенсита больше удельного объема аустенита. Как мы убедились, подобные эффекты при термоциклировании в полной степени проявляются и в наших монокристаллах.

В опытах, проведенных нами на монокристаллах с ЭПФ, появление аналогичного мартенситного рельефа вызывается деформацией образца — сжатием. Заметим, что введенный деформацией мартенсит приводит к появлению поверхностного рельефа, который при последующих циклах обратимой деформации памяти формы не исчезает и проявляется в первом же цикле, даже если исходный рельеф был убран полировкой.

Наблюдаемый нами эффект обратимости картины поверхностного рельефа при прямом и обратном мартенситных превращениях свидетельствует о том, что при изучаемых фазовых превращениях движение мартенситных границ (двойников) в кристаллической решетке может происходить по одним и тем же путям.

Таким образом, показано, что при мартенситных превращениях в монокристаллах сплавов с ЭПФ наблюдаются прямой и обратный поверхностные рельефы. Для данных кристаллов после деформации сжатием и ее восстановления нагревом геометрические размеры об-

разца воспроизводятся с высокой точностью (до 20 μm). Микрорельеф, появляющийся на исходно полированной поверхности при сжатии кристалла ($R_a \approx 0.25\text{--}0.75 \mu\text{m}$ и $S \approx 0.027\text{--}0.11 \text{ mm}$), не снимается последующим нагревом и остается при дальнейшем многократном повторении циклов деформация-восстановление, т.е. на таком уровне микрорельефа нет абсолютной воспроизводимости формы образца при мартенситных превращениях.

Авторы выражают благодарность Ю.А. Фадину за помощь в измерениях шероховатостей поверхности.

Работа выполнена в рамках госзадания № 3.1421.2017/4.6.

Список литературы

- [1] Shape memory materials / Eds K. Otsuka, C.M. Wayman. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 284 p.
- [2] Barbarino S., Saavedra Flores E.I., Ajaj R.M., Dayyani I., Friswell M.I. // Smart Mater. Struct. 2014. V. 23. P. 063001 (1–19).
- [3] Mohd Jani J., Leary M., Subic A., Gibson M.A. // Mater. Design. 2014. V. 56. P. 1078–1113.
- [4] Patil D., Song G. // Smart Mater. Struct. 2017. V. 26. P. 093002 (1–17).
- [5] Morito H., Fujita A., Oikawa K., Ishida K., Fukamichi K., Kainuma R. // Appl. Phys. Lett. 2007. V. 90. P. 062505.
- [6] Николаев В.И., Якушев П.Н., Малыгин Г.А., Аверкин А.И., Чикиряка А.В., Пульнев С.А. // Письма в ЖТФ. 2014. Т. 40. В. 3. С. 57–63.
- [7] Николаев В.И., Якушев П.Н., Малыгин Г.А., Пульнев С.А. // Письма в ЖТФ. 2010. Т. 36. В. 19. С. 83–90.
- [8] Николаев В.И., Якушев П.Н., Малыгин Г.А., Аверкин А.И., Пульнев С.А., Зограф Г.П., Кустов С.Б., Чумляков Ю.И. // Письма в ЖТФ. 2016. Т. 42. В. 8. С. 18–27.
- [9] Головчинер Я.М. О некоторых особенностях обратного мартенситного превращения // Сб. трудов. Проблемы металловедения и физики металлов. М: Металлургиздат, 1962. В. 7. С. 281–306.